

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОГНИТИВИСТИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И СТИЛЬ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

Нестерова М.А.

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

В статье рассмотрены методологические модели когнитивистики: методологическое сознание и стиль научного мышления. Понятие стиля мышления является одним из ключевых в современной философии науки. В формировании стиля научного мышления важную роль играет методологическое сознание. Помимо научного познания следует учитывать постнеклассические когнитивные практики в процессе становления методологического сознания.

Ключевые слова: когнитивистика, методологическое сознание, стиль научного мышления.

Постановка проблемы. Несмотря на интенсивное развитие в последнее время, в когнитивистике по-прежнему открыт вопрос по поводу существования единой базисной теории, а также по поводу наличия единого метода. Это не является ограничением для развития ее научного познания в силу значительного количества конкретного материала, который предоставляют современные когнитивные исследования. Собственно этот в этом процессе развития научного познания происходит методологическое становление когнитивистики. Когнитивистика нуждается в развитии ее методологических моделей, среди которых перспективными представляются методологическое сознание и стиль научного мышления.

Анализ последних исследований и публикаций. Особенность методологического сознания в науке как сфере интеллектуальной деятельности ученого состоит в осмыслении путей и способов, форм производства научных знаний в ходе осуществления процесса познания, а также в способности к его оптимальной организации. Анализируя систему внутренних построений методологического сознания ученого, можно охарактеризовать ее как совокупность представлений о целях познания, способах их достижения и рациональных требованиях к конечному научному результату. Основанием формирования данной системы выступает способность ученого-исследователя к идеальному отражению своих непосредственных действий, осуществляемых в реальном исследовательском процессе [6, с. 15]. Выработке стиля мышления способствует категориальное осмысление теорий, развитых в рамках формирующейся исследовательской программы. «Действительно, если рассматривать методологическое сознание как единство метода и стиля, а стиль рассматривать как способ погружения метода в конкретный материал, то тогда расширение метода до методологического сознания и означает формирование соответствующего стиля мышления. А такое формирование предполагает и реализацию эвристичности определенных групп категорий, и соответствующий способ видения мира» [3, с. 126]. Соответствующий способ видения мира – в методологическом контексте еще одна методологическая модель – научная картина мира.

Это значит, что только в том случае, когда теоретический уровень освоения действительности достаточно высок, мы можем говорить о появлении нового стиля научного мышления. Это возможно тогда, когда расширение на основе новых научных результатов новой картины мира и категориальное осмысление понятийных структур новых теорий станут адекватными новому уровню научного познания действительности [3, с. 127]. Тогда происходит расширение метода за рамки его технической стороны до уровня методологического сознания.

Следует отметить деятельностную природу методологического сознания и научного метода. Она выражается в том, что их формирование проис-

ходит на основе накопления, суммирования и интегрирования первичного познавательного опыта ученого, что позволяет конструировать, оформить указанную совокупность в форму разнообразных, эмпирически найденных, регулятивных норм, методологических схем, исследовательских рецептов и предписаний, предъявляемых к познавательной деятельности, реализующихся в ней и обеспечивающих истинность, обоснованность, практичность научных знаний. Высшим проявлением методологического сознания являются те или иные концептуальные и инструментальные формообразования. Это системы общих рациональных принципов, методы и приемы, мыслительные операции и процедуры, определяющие деятельность ученого-исследователя. В данном случае необходимо подчеркнуть специфику методологического сознания. Оно выступает в форме методологического знания, не являющегося знанием о предметах и явлениях окружающего мира, хотя оно и формируется в процессе отражения объекта и выявления закономерностей его познания. Методологическое знание является знанием о способах постижения объекта. «Субъект не просто знает нечто, он также знает способ, в силу которого он знает это нечто» [6, с. 16]. И этот способ знания, способ постижения объекта есть и способ видения мира, и основа стиля научного мышления.

Таким образом, картина мира, определяющая способ видения мира и методологические принципы, а также метод, который расширяется до уровня методологического сознания и определяют, формируют стиль научного мышления.

Следует отметить, что в литературе употребляются различные термины, которыми пробуют определить новый стиль научного мышления. Очевидно, что это вызвано различными научными и философскими традициями. Пользуясь методологической категорией стиля научного мышления, а также следуя за С. Б. Крымским, «мы будем рассматривать новый стиль мышления:

во-первых, как реализацию эвристичности определенных групп категорий;

во-вторых, в связи с соответствующим способом видения мира (парадигма, НКМ);

и, в-третьих, как способ применения метода, способ погружения его в конкретный материал. Последний аспект предполагает рассмотрение системы методологических принципов построения конкретно-научных теорий, принятой в данную историческую эпоху» [3, с. 126]. Один из базовых принципов, который не исчез в связи с утратой доминирования неклассической науки – принцип нелинейности. И ему также соответствует свой тип научного мышления. Хотя это нелинейное мышление как новый стиль научного мышления, в самознании ученых представлено несистематично, скорее в виде ряда черт, выраженных в форме отрицания стандартов классической науки: неустойчивость и неравновесность рассматриваемых систем; необратимость процессов самоорганизации;

нарушения симметрии в унитарных калибровочных теориях и т. д. [3, с. 126].

Постановка задачи. Следует рассмотреть принципы становления методологического сознания и стиля научного мышления в процессе развития когнитивистики. Помимо принципов нелинейности, которые характерны для нелинейного стиля научного мышления, представляется эвристичным определить принципы, которые детерминировали бы постнеклассический стиль научного мышления.

Изложение основного материала исследования. Одним из базовых признаков подобного мышления можно полагать рефлексию над основными категориями. «Результаты рефлексии над категориальными структурами научного познания оказались релевантными для осмысления феноменов и вне научной сферы – в философии и других формах культурной деятельности. И в первую очередь потому, что постнеклассика в качестве своей кардинальной отличительной черты включает в себя на законных основаниях гуманитарные и в широком смысле гуманистические составляющие. В ней найдено выражение взаимозависимости человекомерности, предполагающей учет в своем продукте производственных, технологических параметров и человекомерности, которая, в свою очередь, соотносена со шкалой общезначимых ценностей и со сводом универсалий данной культуры» [7, с. 7]. Поэтому так важно обращение к феномену методологического сознания, которое является способом ценностной регуляции исследовательского процесса. Как отмечает С.Б. Крымский, исследовательский процесс простирает свой путь сквозь потенциальное. «Тут каждый шаг отягощен опасностью искажения цели, иллюзорности ожиданий, зигзагов мысли, тупиковых ситуаций. Поэтому нужна непрерывная работа ценностно-регулятивного механизма сознания, чтобы обеспечить адекватность выбора и надежность результата. Метод как способ выбора тут стыкуется с сознанием как формой ценностно-регулятивной деятельности» [4, с. 123]. В данной цитате идет речь не просто о сознании, а о методологическом сознании. Методологическое сознание реализует свою функцию посредством рефлексии как метода мышления, что позволяет говорить о становлении постнеклассического стиля научного мышления. Подобный стиль мышления основан на рефлексии, а также включает в себя ценностные установки, что отвечает концепции постнеклассического типа научной рациональности В.С. Степина.

Подобное понимание стиля научного мышления выводит в сферу практического, а также интуитивного разума, что требует более глубокого рассмотрения. Соглашусь с мнением И.С. Добронравовой, что здесь может оказаться очень полезным понимание рациональности в прочтении М. Мамардашвили. С его точки зрения одним из главных признаков рациональности, прежде всего научной рациональности, является рефлексивность, важность которой неоднократно мною подчеркивалась. Однако концепция М. Мамардашвили важна еще тем, что показывает ограничения рациональности. Рефлексивность им понимается как знание своих оснований, но не только это. Продолжая традиции европейских философов-рационалистов, он утверждает, что «действительные представители рационализма, те, которые понимали, как складывается мышление в его реальных деяниях, т.е. в науке и вообще в европейском сознании в целом, они вводили с самого начала в разум некоторое, так сказать фактическое ограничение... что есть, но не может быть получено умом» [5, с. 356]. Мамардашвили считает, что это как раз то, что Кант называет практическим разумом: «Под практическим Кант имел в виду, что де-факто есть, а получить умом и понять умом, разложить, почему это есть, невозможно. Скажем, движение моей руки вполне разумно. Она движет-

ся как бы мыслью. Так вот ходячий пример практического разума...такие формы единства души и тела, их слияния, которые есть и действуют разумно, хотя разумный результат их действия не может быть повторен или аналитически воспроизведен и на аналитических основаниях сделан разумом» [5, с. 357]. Нельзя не согласиться с И.С. Добронравовой, что этот ракурс рассмотрения близок к пониманию практик (в частности, когнитивных практик) как единства духовного и телесного. Практики, в частности когнитивные практики, также отражают исторические формы развития науки – расширение ее антропологического измерения, как определяет это С.Б. Крымский. Это не значит, что естественные науки сдают свои позиции антропологии, но парадигма человеческой деятельности становится все более эвристичной, как мощный источник творческо-исследовательских аналогий [4, с. 119].

Человекомерность предполагает всегда некоторую онтологию или онтологию личности, субъекта или субъектов, включенных в практики. Причем, обычно мы склонны оперировать некими рациональными прозрачными конструктами, и рефлексия – это что-то высшее для нас в ряду подобных конструкций. Вместе с тем в практиках большое место занимают нормы и ценности не только осознанные, но и неосознаваемые, проявленные через верования и культурную традицию, образцы поведения и бессознательное. В этом смысле исследование практик также возвращает нас к проблеме методологического сознания и стиля мышления. Психологи сегодня прекрасно понимают, что есть трансперсональный опыт, сверхсознание, внесознание, подсознание, а логика и осознаваемый нами дискурс – это лишь работа с табло сознания, на котором мы отражаем происходящее в меру своих желаний и способностей. Поэтому онтологии человеческой природы, конечно, должны быть построены, пока еще в плохо осознаваемых и плохо контролируемых сегодня измерениях. Именно эти измерения позволяют прожить практику, а не только ее промыслить. И эти измерения «странных явлений», как и в синергетике, являются расширением когнитивистики.

К постнеклассическим практикам, как считает В.Г. Буданов и я с ним согласна, следует относить неразложимые на деятельностные компоненты практики выбора, принятия решений, творчества и вообще любые когнитивные практики, протекающие в реальном времени «здесь и сейчас», которые нельзя отложить, как нельзя дотанцевать или подпеть [1]. Я бы отметила, что в этом они сходны с гештальтом – мелодия, которая целостно образзуется из набора нот, который не может быть изменен без потери мелодии. Например, габитуальные реакции человека, которые попадают в зону его рефлексии и требуют коррекции, или приготовление особого состояния психики, ума, телесности. Также это практики самосборки автора в процессах творчества, обучения или исполнительства; синестезии каналов восприятия в духовных практиках и восприятии искусства; осознанное осуществление любой техники на грани ее отказа или экстремальные практики в спорте и жизни (пропасть в два прыжка не перепрыгнешь) и т.д. «Всякий раз в постнеклассической практике мы имеем дело с осознаваемым и управляемым нами феноменом порождающей границы, вокруг которой и происходит синергизм деятельностной постнеклассической триады субъект-средства-объект. Эти практики могут быть не только повседневными, но и научными, художественными, спортивными, политическими, или бизнес-практиками переговорного процесса, или игрой на бирже, а в еще большем масштабе времени – геополитическими стратегическими практиками власти, национальных и мировых элит и т.д.» [1].

И здесь возникает востребованность онтологий, которые сегодня почти не обсуждаются. Это то, что находится выше нашей ментальной сферы. Это и интуитивная компонента человеческой природы, и так называемое когерентное состояние, когда человек может соединиться в мыслях с любимым объектом, существом или человеком. Так возникает пространство доверия, понимание, эмпатия, когда людям не надо ничего объяснять или доказывать друг другу, возникает «чувство локтя» или ситуация, когда профессионалы понимают друг друга с полуслова. Эти пространства являются уже в каком-то отношении трансперсональными. И сегодня есть не только психологическая феноменология трансперсонального, но и модели современной физики по поводу таких макроскопических нелокальных корреляций, основанные на эффекте Эйнштейна-Подольского-Розена, который еще тридцать лет назад назывался парадоксом. Сегодня это вполне доказанные феномены, на которых основаны новые технологии XXI века: квантовая криптография, квантовый компьютер и т.д. Они могут быть основанием и нарождающейся техники будущего, и той картины психической реальности человека, которая гораздо богаче ее современных образов. Как считает В.Г. Буданов, с этим феноменом, наряду с квантово-синергетическим механизмом «физики живого» (по терминологии С. П. Ситько), будет свя-

зана новая общенаучная квантовая революция ближайшего десятилетия [2]. Ее можно также назвать не только (и не столько) квантовой), сколько когнитивной, так как она основана на новых принципах знания и познания, принципах организации когнитивной системы человека. Отмечу, что это вполне в духе современного холистического понимания когнитивного – как познания, не относящегося исключительно к сфере рационального, «умственного».

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Становящиеся все более популярными концепции энактивизма, воплощенной телесности, полевой (протяженной) теории сознания и т.п. заставляют вновь вернуться, к казалось бы, очевидному, вопросу – как, а точнее чем, мы познаем? И когнитивистика в этом вопросе тесно связана с другими формами познания – как научного, так и вненаучного знания (например, когнитивных практик). В перспективе методологического расширения когнитивистика может включать в процесс становления методологического сознания не только классические научные способы познания. Дело в том, что способы, «которыми мы познаем» сами стали предметом когнитивных исследований. Исследования когнитивной системы человека могут существенно повлиять как на становление методологического сознания, так и на формирование нового стиля научного мышления.

Список литературы:

1. Буданов В. Г. Метаморфозы социальной реальности эпохи перемен: онтологии и технологии. Режим доступа: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/13260-metamorfozy-socialnoy-realnosti-epohi-peremen-ontologii-i-technologii.html
2. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. – ИФ РАН. М.: УРСС, 2007. – 232 с.
3. Добронравова И. С. 1990. Синергетика: Становление нелинейного мышления / И. С. Добронравова; ред.: В. Демьянова. – К.: Лыбидь. – 149 с.
4. Кримський С. Б. Запити філософських смислів. – К.: Вид. ПАРАПАН, 2003. – 240 с.
5. Мамардашвили М. О рациональности / Встреча с Декартом. – М.: Ад Маргинем, 1996. – 440 с.
6. Методологическое сознание в современной науке [Текст] / П. Ф. Йолон, С. Б. Крымский, Б. А. Параконский [и др]; отв. ред. П. Ф. Йолон; АН УССР, Ин-т философии. – К.: Наук. думка, 1989. – 334 с. – Предм. указ.: с. 329-333.
7. Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Степин. СПб.: Издательский дом «Миръ», 2009. – С. 7.

Нестерова М.А.

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

МЕТОДОЛОГІЧНІ МОДЕЛІ КОГНІТИВІСТИКИ: МЕТОДОЛОГІЧНА СВІДОМІСТЬ І СТИЛЬ НАУКОВОГО МИСЛЕННЯ

Анотація

У статті розглянуто методологічні моделі когнітивістики: методологічна свідомість і стиль наукового мислення. Поняття стилю мислення є одним з ключових в сучасній філософії науки. У формуванні стилю наукового мислення важливу роль відіграє методологічна свідомість. Крім наукового пізнання слід враховувати постнекласичні когнітивні практики в процесі становлення методологічного свідомості.

Ключові слова: когнітивістика, методологічна свідомість, стиль наукового мислення.

Nesterova M.A.

Taras Shevchenko National University of Kyiv

METHODOLOGICAL MODEL OF COGNITIVE SCIENCE: METHODOLOGICAL CONSCIOUSNESS AND STYLE OF SCIENTIFIC THINKING

Summary

The article describes the methodological model of cognitive science: methodological consciousness and style of scientific thinking. The concept of style of thinking is a key to the modern philosophy of science. Methodological consciousness plays an important role in the formation of the style of scientific thinking. In addition to scientific knowledge, it is necessary to consider postnonclassical cognitive practice in the process of formation of methodological consciousness.

Keywords: cognitive science, methodological consciousness, style of scientific thinking.